

Ю.И. Минералов,
*профессор Литературного института,
доктор филологических наук*

Еще раз о барокко и классицизме

---

1. Классицизм развился на фоне барокко и неотделим от него. По большей части классицисты в творчестве своем как бы «делали наоборот» — поступали противоположно тому, что практиковали до них авторы эпохи барокко. Это жестко «привязало» классицизм к предшественникам: новизна исканий классицизма, понимание того, в чем его «лица необщее выраженье», становятся неясными читателям, которые забыли барокко с его художественными принципами.

Как следствие такой невольной, но неотменимой «привязки», в эпоху господства в русской литературе классицизма (период с начала 1740-х и приблизительно до середины 1770-х годов) барокко продолжало подспудное существование, и отдельные его принципы потенциально могли оказаться неожиданно привлекательными для кого-то из художников этой эпохи. Они могли, например, ностальгически осознаваться как «старый слог», как проверенный способ выразить высокое и торжественное, передать сложное, имеющее много смысловых «извивов» содержание (поэма «Тилемахида», законченная В. Тредиаковским в конце жизни, живой пример такого позднейшего применения барочных приемов).

2. Известно, что в прошлом филологическая мысль долгое время обходилась без понятия «русское барокко» и при этом весьма расширительно трактовала понятие «классицизм», под которое подпадал почти весь русский XVIII век — кроме «сентименталистов» (при подобном подходе появившихся на его излете *неведомо почему и откуда*) да некоторых прозаиков, умевших живописать современный быт (напр.,

М. Д. Чулкова), которые поэтому якобы проявляли уже в XVIII веке «реалистические тенденции». Как следствие этого долговременного обыкновения, сегодня иногда по-прежнему приходится спорить (и вообще мыслимо спорить) о том, где границы классицизма и барокко, кто из писателей куда относится и т. п.

Разумеется, часто подобные споры проистекают из-за неопределенности представлений дискутирующих лиц о самом предмете спора.

3. Нет ничего наивнее, чем негласно считать, что почти все русские писатели XVIII века, кроме сентименталистов, — «классицисты». Русские писатели самых разных периодов XVIII века, как правило, знали и уважали произведения Корнеля, Расина, Мольера, поэму-трактат Буало «Поэтическое искусство» (как и иные его произведения). Но многие ли стали их явными *последователями*, то есть тоже классицистами, осознанно и комплексно внедряя принципы их поэтики в реальной практике собственного творчества?

Оды, эпические поэмы, стихотворные трагедии, сатиры, эпистолы, басни и т. п. писали у нас в XVIII веке как не классицисты, так и классицисты¹. Однако когда к «русскому классицизму» относят те или иные произведения, характеризующиеся нагромождением церковнославянизмов, избытком парадоксальных, не поддающихся предметно-логическому осмыслению метафор, запутанным инверсированным, да притом еще имеющим паратактическую основу синтаксисом и тому подобными цветастыми пиитическим «вольностями», — это почти наверняка ошибка и никакого классицизма тут заведомо нет (до 1740-х годов это явная встреча с произведением русского барокко). Классицист может разве лишь *спародировать* такое произведение.

В классицистском произведении как таковом все перечисленное будет выглядеть, скорее всего, наоборот.

4. Действительно, когда полагают, что классицизм — это перепутанный синтаксис, обилие старинных слов и выражений и т. п., то это совершенно неверное мнение. Подобные черты в произведениях русского автора XVIII века — как раз верный признак, что перед нами не классицист. Классицизм всюду стремится к строгости, гармонии, чистоте и ясности, а о «вычищении» своего языка русские классицисты заявляли даже чисто программно — см. напр., стихотворные трактаты Сумарокова наподобие эпистолы I («О русском языке») или сатиры «О французском языке». По языку русские классицисты-сумароковцы (расцвет деятельности которых пал на середину XVIII века) как никто в их время близки к поэтам пушкинской эпохи. Настолько Сумароков и авторы его школы «вычистили» свой язык! По этому признаку классицистов, кстати, нетрудно опознавать в ряду русских писателей XVIII века².

5. Три стиля (высокий, средний и низкий) наши классицисты также выражали зачастую отнюдь не теми средствами, которые предлагались Ломоносовым в его «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке». В трагедиях того же Сумарокова господствует, как и должно по жанру, высокий стиль — но достигается он обычно не

употреблением церковнославянизмов, а средствами русского языка как такового. Церковнославянских слов и оборотов русские классицисты если и не избегают вообще, то все же обращаются с ними весьма осторожно, предпочитая именно средства современного им русского языка («Коль *аще*, *точию* обычай истребил, Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил?» — А. Сумароков, Эпистола I).

Классицизм и у нас и на Западе — искусство нормативное, избегающее трескучих эффектов. В нем господствует дух умеренности, и складывается система четких, соблюдаемых авторами-художниками на практике правил. Мысль выражается классицистами по возможности доходчиво, четко по языку. Их обычно рационалистическая, логизированная образность рассчитана на однозначное понимание. Даже в рифмовке классицизм отличается особой точностью созвучий («рифма для глаза» сумароковцев).

Если игнорировать подобные наглядные признаки, то и термин «классицизм» в значительной мере обесмысливается³. А в России XVIII века таким признакам в полной мере отвечала, пожалуй, лишь компактная группа авторов, являвшихся непосредственными учениками Сумарокова (М. Херасков, В. Майков, А. Ржевский и др.) или «учениками его учеников» (как в случае с И. Богдановичем, который был непосредственным учеником Хераскова).

6. Не именуя себя классицистами (напомним, что термин «классицизм» появился лишь постфактум, в начале XIX века), последователи Сумарокова тем не менее ясно сознавали *общность* своих творческих принципов — ощущали себя единой школой. Принципы эти были четко сформулированы основателем школы. *Общность* принципов творческой работы наших классицистов, их особая художественная манера, их особая поэтика легко вскрывается и при исследовательском анализе. Даже вышеперечисленные основные признаки напоминают, что у русских классицистов была своя четкая система.

7. При этом нет достаточных оснований для того, чтобы объявлять «классицистами» тех писателей-современников и позднейших подражателей, которые могли имитировать в своих произведениях *отдельные* понравившиеся им черты творческой манеры сумароковцев. Таких авторов было немало (Я. Княжнин, В. Капнист и др.), но это не классицисты по той же причине, по какой, например, не всякий художник, употребляющий символы, — «символист» (символами пользуются и барочники, и романтики, и реалисты и пр.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Что до прозы — романов, повестей и т. п., — то прозу писали, как правило, не классицисты. Когда говорят о «прозе русских классицистов», то чаще всего перед читателем просто проза *писателей XVIII века*.

² См. подробн.: Минералов Ю.И. Из лекций по русской словесности XVIII века (Классицисты и просветители. Державинская эпоха). — Вестник Литературного института им. А.М. Горького, 2000. Вып. 2.

³ Но и сами оба обсуждаемых термина (барокко и классицизм) отражают все-таки лишь более или менее верные группировки реальных литературных фактов, их более или менее верные схемы, обобщения, сделанные учеными позднейшего времени, а не сами эти факты. В них есть зерно абсолютной истины, но преобладает истина относительная (потому и не случайна наблюдаемая иногда тенденция к расширению сферы того или другого). Об этой относительности может иногда психологически как бы «забыть» исследователь, и в увлечении своей концепцией невольно путать или смешивать понравившуюся схему с реальной литературой. Применительно к писателям сказанное можно выразить так: в XVIII веке были бесспорные или почти бесспорные барочники и такие же классицисты, но были писатели, о принадлежности которых туда или сюда можно дискутировать до бесконечности, ибо их творчество полностью не укладывается в схему (Ломоносов, Тредиаковский, Державин и др.). Причем в каждом индивидуальном случае степень близости писателя принципам «барочной» или «классицистской» схемы оказывается разной.